

Глава 20

Написание «размышлений о болезни» на поверку оказалось делом нехитрым: нужно было лишь во всех красках расписать, как и где у тебя болит.

Поскольку жар был самым простым и понятным состоянием, Цюй Дубянь решил не мудрить. Бережа силы, он едва касался бумаги, выводя мелкие, похожие на муравьиные следы иероглифы. Несмотря на туман в голове, мальчик умудрился накатать добрую тысячу знаков.

Вышло обстоятельно и, честно говоря, водянисто.

Он подробно описал каждое ощущение: каково ему есть, каково спать и даже каково просто передвигать ногами. Времени оставалось в обрез, и Дубяню нужно было во что бы то ни стало заставить «дешёвого папашу» передумать. Поэтому, даже когда к горлу подступала тошнота от симуляции жара, он не снижал уровень реалистичности.

«За такое усердие могли бы и накинуть лишних дней жизни!»

Сумерки постепенно сгущались. Е Сяюань зашёл в покои, принёс светильник, но Дубянь успел прикрыть исписанный лист. Увидев, что Маленький принц прилежно учится, Спутник Е не стал ему мешать — лишь поставил на край стола тарелку с выпечкой и, тихо напомнив, чтобы тот не перетруждался, притворил дверь.

Едва рука вывела последний штрих, Дубянь мысленно скомандовал: «Отправить».

[Идёт сканирование...]

[Сканирование завершено. Идёт оценка.]

[Оценка завершена. Хозяин не завершил полный цикл пребывания в симуляции в течение дня, начисление произведено с учётом корректировки. Получено дней жизни: 35.]

[Остаток жизни обновлён.]

[Общий срок: 36 дней.]

Вышло даже на пару дней больше, чем он рассчитывал. Дубянь немедля выкрутил уровень реалистичности со ста процентов до нуля. Тело всё ещё пылало, но разум мгновенно прояснился.

[Хозяин отправил отчёт. Желаете ли вы сократить запланированное трёхдневное

моделирование до минимально возможного — одних суток?]

— Пока не нужно, — ответил он.

[Желаем приятной симуляции.]

Цюй Дубянь сел за стол ещё днём, а теперь за окном стояла глухая ночь. Он бросил лист с «размышлениями» в жаровню с углями и дождался, пока бумага превратится в пепел. Только после этого он позволил себе расслабиться и, уронив голову на сложенные руки, провалился в чуткий сон.

Е Сяююань собирался зайти, чтобы уложить принца. Несколько раз за вечер он заглядывал в комнату, но, видя, как прилежно тот учится, решал не беспокоить. На этот раз, обнаружив, что мальчик уснул прямо за столом, он осторожно подошёл, намереваясь перенести его на кровать.

Однако стоило ему коснуться Дубяня, как он отпрянул, поражённый исходящим от ребёнка жаром. Сердце Е Сяююаня болезненно сжалось. Он коснулся лба Маленького принца — тот был подобен раскалённой печи.

В ужасе, теряя голос от нахлынувшего страха, Сяююань закричал:

— Сяочунь!.. Сяочунь! Скорее сюда!

Глубокая ночь.

Дворец Цзычэнь.

Император Чунчжао внезапно проснулся, обливаясь холодным потом. Он инстинктивно вытер лоб и почувствовал, что дыхание его сбито, а руки мелко дрожат.

Ему приснился сон. В этом сне не было проклятий Астрологического управления, наложница Юнь была жива и они вместе растили сына. Но не успело ребёнку исполниться три года, как у него начался страшный жар. Мальчик угасал прямо у него на руках, и император чувствовал, как жизнь по капле уходит из маленького тела. Не выдержав горя, Сюй Юэцин схватила бездыханное дитя и исчезла в пламени вспыхнувшего пожара.

«Астрологи погубили меня! — кричала она из огня. — Возмездие неминуемо!»

«Ваше Величество, спасите Дубяня! Спасите нашу плоть и кровь!»

Чунчжао лишь беспомощно наблюдал за этим, пытаясь броситься в огонь, но слуги держали его мёртвой хваткой. Когда пламя утихло, перед ним предстали два обугленных тела: мать до последнего вдоха защищала дитя, и смерть навеки соединила их. Эта невыносимая боль, эта чёрная безнадежность казались настолько реальными, словно тысячи раскалённых клинков разом пронзили его сердце.

Даже пробудившись, он всё ещё ощущал эту острую, грызущую боль в груди, подобную копошению мириад насекомых.

— Юй Дэцай.

— Ваше Величество, — отозвался евнух Юй, — ещё и рассвет не забрезжил, почему вы пробудились?

Он уже потянулся, чтобы раздвинуть полог, но император остановил его:

— Принеси воды. — И после короткой паузы добавил: — Горячей.

Горячей? Евнух Юй не на шутку удивился. Обычно государь требовал холодный чай — неужели Его Величество так сильно не в духе после тяжёлого сна?

Во дворце Цзюйань светильники горели до самого рассвета.

Императорский лекарь Цю не смыкал глаз. Он отправил Вэнь Сяочуня в Императорскую медицинскую академию за снадобьями и лично следил за тем, как их готовят. Проверяя пульс принца, лекарь хмурился всё сильнее. Его терзали недобрые предчувствия.

Ребёнок был совсем мал, а его жизненные силы и без того казались подорванными. Такой внезапный и сильный жар — если он не спадёт в ближайшее время, ещё неизвестно, удастся ли спасти мальчика.

Вслух он, впрочем, сказал иное:

— Сначала дадим мягкое средство, попробуем сбить температуру.

Когда пришло время принимать лекарство, Цюй Дубянь пришёл в себя. Он причмокнул губами — отвар оказался не таким уж горьким. Мальчик мгновенно вошёл в роль: посмотрев на лекаря Цю, он скривился, словно собираясь разрыдаться.

— Хочу к отцу-императору...

— Наверное, отец просто не хочет меня видеть... Поэтому он меня отсылает.

— Почему... другие братья могут его видеть, а я нет?..

— Отец меня ненавидит.

Голос больного ребёнка звучал тихо и надтреснуто, как у обессиленного котёнка. Лицо горело румянцем, губы побелели, а в глазах стояли слёзы. Стоило ему моргнуть, как крупные капли скатывались по густым ресницам.

Он плакал беззвучно, и этот красный нос, эта детская обида и невыносимая печаль заставляли сердце любого невольного свидетеля сжиматься от жалости. У лекаря Цю дома тоже были дети, и, глядя на Маленького принца, он не смог сдержать тяжёлого вздоха. Несчастное дитя, оставленное всеми на волю небес.

Для Е Сяююаня эти слова стали ударом в самое сердце. Маленький принц не выказывал огорчения, когда узнал об указе, весь вечер он прилежно учился и ни с кем не общался. Такая резкая перемена означала лишь одно: на самом деле ребёнок прекрасно понимал, что значит ссылка в загородный дворец. Понимал, но молчал. И даже улыбался им, пытаясь утешить, как взрослый.

Спутник Е присел на край кровати и крепко прижал Дубяня к себе. Голос его дрожал от невыплаканных слёз, а утешения казались пустыми и жалкими.

— Это не так, Ваше Высочество...

На самом деле всё было именно так. Но он не мог сказать правду.

— Пейте лекарство. Как только рассветёт и ворота откроются, мы пойдём к Его Величеству. Император... Император... — он так и не смог договорить, что отец придёт навестить его. Ложь, которую невозможно исполнить, ранит лишь сильнее. — Император непременно о вас позаботится.

Дубянь мысленно попросил у слуги прощения. Он не хотел так сильно пугать Е Сяююаня, но это был единственный шанс — остаться во дворце, смыть клеймо «греховного плода» и посеять в душе «дешёвого папаши» зерно сомнения в словах Астрологического управления.

Вэнь Сяочунь не выдержал:

— Лекарь Цю!

— Не беспокойтесь, — ответил тот. — Болезнь принца — дело серьёзное, Императорская медицинская академия обязана доложить государю.

Раньше всё было иначе, но сейчас ситуация изменилась. Принц, привлёкший внимание императора, ценился куда выше забытого всеми ребёнка. Глядя на то, как сильно горит мальчик, лекарь Цю понял, что ему придётся остаться в Цзюйане до утра. Если он не доглядит и с принцем что-то случится, его голова первая полетит с плеч.

Вэнь Сяочунь, выкрикнув те слова, замолчал. Е Сяюань несколько раз окликнул его, прежде чем тот пришёл в себя.

— Что с тобой?

Сяочунь стоял за пологом кровати, не сводя глаз с пылающего лица Дубяня. Пальцы в его руках были сжаты так крепко, что костяшки побелели, но ответил он тихо:

— Ничего.

На следующее утро.

Лекарь Цю спозаранку ожидал у входа во дворец Цзычэнь. Едва император Чунчжао вышел после утреннего совета, лекарь пал ниц и доложил:

— Ваше Величество, вчера вечером у Седьмого принца из дворца Цзюйань начался сильный жар. Всю ночь температура не спадает. Покорный слуга осознаёт своё несовершенство и просит Ваше Величество направить более опытных мужей из Императорской медицинской академии для осмотра.

— Жар? Вчера вечером?

Император непроизвольно вскочил с места. Он мгновенно вспомнил свой ночной кошмар. Было ли это случайным совпадением, связью отца и сына или чем-то иным?.. Подавив дурное предчувствие, он распорядился:

— Направьте в Цзюйань всех врачей, сведущих в детских болезнях.

— Слушаюсь, — лекарь Цю облегчённо выдохнул. Теперь, если что-то пойдёт не так, ответственность ляжет на всех.

Когда он ушёл, Чунчжао не находил себе места. Сон приснился ему ночью, и в ту же ночь у сына начался жар. В такое «совпадение» не поверил бы никто.

Первое видение, второе — и оба связаны с Юэцин и их ребёнком. В первом сне звезда пала на Астрологическое управление, во втором Сюй Юэцин прямо заявила: «Астрологи погубили меня». Неужели она действительно пытается предупредить его из загробного мира?

Император задумчиво застучал пальцами по столу:

— Того тайного стража, что приглядывал за Седьмым, отправить обратно. Пусть следит за каждым шагом.

Глава тайной стражи удивлённо приподнял бровь. Тайные стражи на то и тайные, чтобы оставаться в тени. Они знают слишком много секретов правящего дома, и их редко направляют к одним и тем же людям столь часто. Те, кто часто мелькает перед посторонними, теряют право называться тенями — их либо казнят, либо навсегда запирают, переломав руки и ноги. Случай, когда одного и того же стража посылали к принцу так часто, был из ряда вон выходящим.

Дворец Фэнью.

Ежедневный визит наложниц к императрице был незыблемой традицией. На деле это походило на масштабный светский раут, и хоть в последние годы в гареме царило спокойствие, беседы стали куда короче. Но в эти дни женщины были готовы буквально прирасти к стульям в покоях государыни.

Императрица, отличавшаяся благородной и утончённой красотой, восседала во главе стола. Чай в её чашке сменили уже в третий раз. Слушая щебетание наложниц, она лениво размышляла о том, что сегодняшний напиток простоват — в следующий раз стоит добавить в него вяленых фиников.

Благородная госпожа Жун проговорила:

— Подумать только, его перевели в Восточный сад, мы-то грешным делом решили, что он в гору пошёл... А в итоге вон как вышло. Видать, и впрямь не судьба.

Матерью Пятого принца была госпожа Жун, и по закону она не имела права растить сына сама. Но её семья удачно примкнула к клану Драгоценной наложницы Лань и заслужила немалые почести. Лань похлопотала за неё, и император Чунчжао в виде исключения дозволил Жун воспитывать Пятого принца подле себя. С тех пор Благородная госпожа стала верной тенью Драгоценной наложницы, исполняя любое её желание. И не только сама заискивала

перед ней, но и сына заставляла во всём потакать Шестому принцу. Поэтому слова госпожи Жун почти всегда отражали мнение самой Лань.

Драгоценная наложница Лань легко рассмеялась:

— Ладно вам, Седьмой принц скоро уедет, не стоит множить слухи. Наложница И, я слышала, ваш сын весьма дружен с Седьмым?

Наложница И тронула пальцами бусины четок и, не открывая глаз, ответила:

— Дети вольны сами выбирать себе друзей. Я в это не вмешиваюсь.

«Какая зануда» — подумали присутствующие.

Госпожа Жун прикрыла рот ладонью:

— Сестрица, вам бы лучше запретить Четвёртому принцу общаться с тем мальчиком. Наберётся дурной ауры — потом никакими молитвами не отмолитесь. — Она повернулась к Драгоценной наложнице: — А вот Шестой принц такой послушный, такой благонравный. Мне бы поучиться у вас, как правильно воспитывать детей.

Лань на мгновение замялась и как-то неестественно пригубила чай.

— Да, он очень прилежен. Когда я уходила, он уже сидел за книгами.

— Чудесно, просто чудесно, — подхватила Жун.

Императрица мысленно вздохнула и произнесла положенную по этикету пустую фразу:

— Четвёртый, Пятый и Шестой принцы хоть и малы, но все они на редкость рассудительны и послушны. Вы приложили немало сил для их воспитания. Уходя, заберите отрезки новой парчи — пусть детям пошьют обновки.

Дворец Сюсян.

Здесь всё стояло вверх дном. Шестой принц пребывал в ярости. Он кричал на евнуха, преградившего ему путь:

— Прочь с дороги! Ты всё равно ничего не понимаешь!

— Почему Седьмому брату можно в загородный дворец, а мне нет?! Какая несправедливость! Я уже такой большой, а ни разу не был за пределами города!

— Я тоже хочу в загородный дворец! Тоже хочу! Почему матушка меня заперла?!

Евнух едва не плакал:

— Ваше Высочество, загородный дворец — это совсем не то место, где стоит бывать...

Пока школу не починили, принцам не нужно было учиться, но сидеть взаперти было невыносимо — занятия были их единственной возможностью общаться. Оставшись без дела, Шестой принц решил, что всё недоступное — непременно самое лучшее. И если уж он не может куда-то поехать, то и другие не должны.

Ловко увернувшись от слуг, он прорвал оцепление и пулей вылетел из дворца. Слугам ничего не оставалось, кроме как бежать следом.

Шестой принц напрямик рванул во дворец Фунин к Четвёртому брату. В главном зале Фунина располагалась небольшая молельня, и воздух здесь был напоен тонким, приятным ароматом благовоний, которые наложница И делала сама.

— Эй! Ты! — Шестой ворвался внутрь и нашёл Четвёртого принца, который дремал на веранде.

Тот сонно приоткрыл один глаз:

— Чего тебе?

Шестой, уперев руки в колени, перевёл дух:

— Четвёртый брат! Седьмого отсылают прочь!

Четвёртый принц медленно округлил глаза. Его соратника по сну увозят?

— Нельзя... нельзя, — забормотал он.

— Тогда идем к нему! Он не смеет уезжать в интересные места без нас!

Четвёртый принц закивал. Нужно хотя бы попроситься с ним.

Шестой уже собрался тащить его за собой, но Четвёртый напомнил:

— А Пятый брат?

— Точно! — Шестой хлопнул себя по лбу. — Совсем про него забыл.

Вдвоём они ворвались во дворец Пятого принца и буквально вытащили его на улицу, не спрашивая согласия. Бедному Пятому туфли обували уже на бегу. Трое принцев в сопровождении свиты из восьми слуг торжественно и шумно шествовали в сторону дворца Цзюйань.

Команда спасения брата вышла на тропу войны!

Дворец Цзюйань.

Цюй Дубянь рассчитал, что время пришло. Сказавшись голодным, он отослал Е Сяююаня за едой.

Быстро одевшись, он осторожно слез с кровати и подошёл к столу. Навыки письма, приобретённые за последнее время, дали свои плоды: он вывел строчку, которую Спутнику Е и Вэнь Сяочуню будет легко прочесть, а те уж точно донесут её до «дешёвого папаши».

Оставив записку на самом видном месте у изголовья кровати, он, пригибаясь, выскользнул из покоев. Благодаря его привычке обходиться малым, лишних слуг в Цзюйане давно не осталось. Сяочунь следил за огнём под котлом с лекарством, так что мальчик остался незамеченным.

В спальне безмолвно догорали угли в жаровне.

Маленький хозяин исчез, оставив лишь клочок бумаги с неровными иероглифами:

[Видел во сне матушку. Она сказала, что заберёт меня с собой. Я счастлив. Перед уходом очень хочу повидать отца-императора.]

<http://bllate.org/book/16117/1585300>